

Григорий
ФЕДОСЕЕВ

*Злой дух Ямбуя
Последний костер*

Санкт-Петербург

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос-Рус)6-44
Ф 33

Серийное оформление Вадима Пожидаева

Оформление обложки Татьяны Павловой

ISBN 978-5-389-25666-8

© Г. А. Федосеев (наследник), 2024
© Оформление.
ООО «Издательская Группа
„Азбука-Аттикус“», 2024
Издательство Азбука®

Злой дух Ямбуя

1. НАЗАД К ЯМБУЮ

На перевале караван задержался. Каюры стали поправлять вьюки на спинах уставших оленей. Люди скупились. Вынули кисеты, закурили. Солнце, словно огненный бубен, повисло над темными падами, над стальными выкроями озер, над зубчатыми грядками далекого Станового.

Еще один день пути до нашего таежного аэродрома, и прощай, кочевая жизнь, комары, тишина топких болот!

Кому из путешественников не знакомо чувство радости, когда, закончив работу, вдоволь наглотавшись хвойного воздуха, приправленного дымком костров, истоптав по звериным тропам не одну пару сапог, ты возвращаешься в тесный людской мир, к родному очагу. И при мысли о доме тебе вдруг захочется не у костра, а иным теплом согреть загрубевшую в долгих походах душу.

Мы покидаем центральную часть Алданского нагорья, где долго занимались исследованиями и где еще продолжают работать геодезисты. Эту всхолмленную страну на юге урезают хребты Становой и Джугджур, а на севере она уходит в беспредельность. Пейзаж ее суров, климат чрезвычайно негостеприимен — зима тут владычица; и куда бы ты ни направился, тебя всюду подстерегает одиночество, ужасное одиночество!

Этот край никогда не манил к себе людей, не возбуждал любопытства исследователя, оставался в сто-

роне от цивилизации. Только эвенк, дикий кочевник, свободолюбец, нашел тут себе приют и проложил тропу вглубь безмолвных пустырей.

И вот я в последний раз смотрю с возвышенности на суровое нагорье. Далеко раскинулась холмистая земля, покрытая зыбунами, чахлыми лиственницами, бельмоватыми озерами. Наконец-то мы вырвались из этого длительного плена! Но почему-то я не радуюсь, почему-то мне грустно, будто я покидаю родные места. Вдруг все вокруг стало мне необыкновенно дорого: и это серое, выцветшее небо, и лысые бугры, и застывшие в вечном поклоне ели, и голодный беркут... Видимо, потому, что все тут трудно давалось. Пройдет немного времени, и там, среди городской суеты, в кругу друзей я буду тосковать по тебе, печальный край, и, может быть, когда-нибудь к тебе вернусь...

— Прощай, нагорье! — кричу я, окидывая его долгим взглядом.

Ночевать остановились у шумливого ручья, на дне залесенного распадка. Мы шли одним смешанным караваном, но лагеря ставили отдельно. У каждого подразделения — астрономов, рекогносцировщиков, наблюдателей свои порядки, свои привычки, выработанные в долгих скитаниях по тайге. Те, кто провел все лето в лесу, раскинули палатки в тени под елями. У них самый большой и жаркий костер. Наблюдатели, прожившие на вершинах гор, привыкли к простору, к открытому горизонту, привыкли видеть над собою обширный купол неба. Им тесно под сводом крон, они поставили двускатные «чумы» на середине поляны. У них на каменных вершинах всегда не хватало дров, их они доставляли на пики на своем горбу, и их главная заповедь — бережливое отношение к огню. Они и здесь, в лесу, варили свой немудрящий ужин на ма-

леньком костерке, подкармливаемом мелким сушняком.

Я ночевал с рекогносцировщиками — неутомимыми таежными бродягами. Им чуждо уныние. Ну и ребята! Шутки да прибаутки, и боже упаси попасть им на язык! Лес, горы, болота — все оставило свой отпечаток и на их внешности и на быте. Их лагерь узнаешь с первого взгляда. Посуда, сбруя, одежда аккуратно развешаны на колышках, вбитых в стволы толстых деревьев; груз по-хозяйски сложен горкой, покрыт брезентом. Спят они обычно у огня. И не зря рекогносцировщикам все завидуют. Правда, одежда на них, как у всех нас, в латках, со следами костров, сапоги доживают последние дни. Но сколько жизнерадостности в каждом из этих таежных скитальцев! Какой опыт! Риск, трудности — их постоянные спутники.

Когда на поляну легла прохлада и густой лиловый сумрак позднего вечера окутал тайгу, к нам на стоянку пришли товарищи из соседних таборов. Они не спеша рассаживались вокруг костра и молча следили, как огонь пожирал головешки, как под грудями расплавившихся углей вспыхивало и потухало синее пламя, будто каждый из них видел в этой синеве какое-то знамение. В их молчании чувствовалась нескрываемая радость возвращения. В своих думах они витали где-то далеко-далеко от костров, от корявых лиственниц, от комариного гула. И вряд ли какая сила заставила бы их повернуть назад, расстаться с мыслью о скором свидании с родными.

В уснувшем осеннем лесу позванивали бубенцы на шеях пасущихся оленей, в неподвижном воздухе шныряли пучеглазые совы.

Ко мне подошел развалистой походкой радист Павел, рослый голубоглазый парень. Мы вместе с ним провели в тайге все лето.

— Неприятность, — сказал он тревожным голосом.
— Что, самолета не будет завтра?
— Хуже. Вот читайте. — И Павел подал только что принятую радиограмму.

Мой помощник по экспедиции Плоткин сообщал:
«На гольце Ямбуя бесследно исчез техник Евтушенко. Поиски ничего не дали. (Это второй геодезист, бесследно исчезнувший на гольце.) Необходимо организовать тщательные поиски пропавших и устранить причины гибели людей, иначе наблюдатели категорически отказываются заканчивать работу на Ямбуе. Что делать?»

Меня это известие ошеломило. Читаю радиограмму вслух. На стоянке наступила тягостная тишина. Слабые вспышки догорающих головешек освещали лица людей, застывших в самых неожиданных позах.

Мы еще не пришли в себя от загадочного исчезновения нашего друга Петрика, вызвавшего много самых разноречивых толков.

Строительное подразделение, в котором он работал техником, закончило постройку геодезического знака на гольце Ямбуя. Это было весной, после снеготаяния. Петрик и один рабочий остались на вершине, чтобы снять опалубку с бетонного тура и оштукатурить его. Остальные, нагрузившись оборудованием, спустились на табор к реке Реканде. Проснувшись рано утром, рабочий не нашел на вершине Петрика. Решив, что тот спустился к своим, он закончил отделку тура и тоже покинул вершину. Но Петрика не оказалось и на таборе. Ждали день, второй, затем обшарили всю равнину с ее марями и озерами, но Петрик исчез, как испарился! Поиски дважды повторили летом. И до сих пор понять не можем, что случилось с ним! И вот теперь там же исчез Евтушенко...

Черное небо прочертила зарница, и далеко, точно в пустую бочку, ударил гром. Кто-то бросил в костер

охапку сушняка. Вспыхнувшее пламя разбудило тишину, и, будто очнувшись, все сразу заговорили, заспорили.

Одни считали, что Петрик и Евтушенко, спустившись с гольца за дровами или за водою, заблудились в лесу из-за тумана, который часто и надолго приходит к нагорью с Охотского моря, и погибли от голода. Другие не соглашались с этим, ведь оба пропавшие опытные таежники, и уверяли, что и Петрик и Евтушенко живы, что им просто осточертели пустыри, гнус, безмолвие, заплесневелые болота и их потянуло к обжитым местам, к людям, к девочкам. И они, не преодолев гнетущего состояния, бежали на плоту по Реканде, в спешке не попрощавшись с товарищами и не получив расчета. Но сбежать отсюда в одиночку мог только сумасшедший.

Тогда что же в действительности произошло на Ямбуе? Надо было немедленно принять какое-то решение, попытаться проникнуть в тайну исчезновения с гольца двух геодезистов.

И вероятно, никому другому, а именно мне, как начальнику экспедиции, придется распрощаться со своими спутниками, расстаться с мыслями о возвращении домой и повернуть обратно к Ямбую. Надо торопиться — может, еще удастся спасти Евтушенко. И при любых обстоятельствах закончить работу на этом далеком гольце, иначе на следующий год вновь придется вернуться сюда. Но об этом нельзя даже и думать.

При мысли, что надо повернуть назад в пустыри, до боли сжалось сердце, еще больше захотелось к тихой, домашней пристани, где нет опасного риска, где жизнь размеренна, спокойна. Я вдруг поверил, что и Петрик и Евтушенко не погибли, а сбежали: от мрачного состояния, в какое повергает человека нагорье при длительном общении с ним, не то что к людям — к дьяволу в пекло сбежишь!

— Павел! — решительно сказал я радисту. — Завтра утром мы с тобою пойдем к Ямбуу.

— Назад? — спросил он хрипло, чуточку попятившись от меня.

— Да, назад. Неси журнал, запишешь радиограмму.

Павел смотрел на меня, все еще не веря, что нормальный человек может добровольно отказаться от возвращения домой.

— Да вы что, в самом деле?.. Или шутите? — выпалил он срывающимся голосом.

— Неси журнал!

Нет, Павел явно не верит, продолжает стоять, ища глазами сочувствия у присутствующих. Потом нехотя приносит журнал.

— Садись поближе и пиши:

«Штаб. Плоткину. Завтра иду с радистом и проводником к Ямбуу. Передайте приказ всем подразделениям на Ямбуйском объекте принять необходимые меры безопасности и при любых обстоятельствах продолжать работу. Поиски Евтушенко не прекращать».

Написал?.. Сейчас же передай и проси штаб явиться утром.

Павел встал, посмотрел на меня с безнадежностью и, неловко переставляя отяжелевшие ноги, поплелся к себе в палатку.

Тяжелый мрак лег на уснувшую землю. Костер догорел. Люди разошлись по таборам. В лесу смолкли бубенцы. Потускнело небо. Из его темной бездны повеяло дыханием ночи. Отражаясь в зеркальной глубине заливчика, мерцал тлеющим угольком Юпитер.

Забираюсь в спальный мешок. Нет, сегодня мне не уснуть. Что и говорить, обидно расставаться с мыслями о близком свидании с родными, друзьями, снова возвращаться в безлюдное царство болот, в глушь тай-

ги, мерить латаными сапогами зыбуны и снова шагать и шагать без конца...

Долго ворочаюсь, не могу уснуть. А без сна нелегко будет справиться с завтрашним днем. Ведь сон в походе — и лекарь и диспетчер. За ночь он успокоит нервы, смягчит горечь неудач и облегчит путь. Медленно погружаюсь в пустоту, и наконец сон одолевает меня.

Лагерь пробудился рано, только занималась утренняя зорька. Вспыхнули костры, пахнуло варевом. Ветер качнул сонную, слегка заиндепевшую тайгу. Стая казарок, расклинивая небесную синеву, беззвучно, будто тайком, пронеслась на юг.

Проводники собрались у нашего костра. Они молча выслушали меня, перекинулись короткими фразами. На их лицах не отразилось ни удивления, ни страха, они привыкли ко всяким неожиданностям в тайге.

Нам предстояло из шести наших проводников-эвенков отобрать одного, самого опытного.

— Кто из вас хорошо знает южный край Алданского нагорья и может нас сопровождать? — обратился я к ним.

Все повернулись к маленькому старичку, стоявшему позади остальных, прислонившись к лиственнице. Наши с ним взгляды встретились.

— Ты, что ли, Долбачи, возьмешься?

— Он, он, другого лучше не найдешь, — подтвердил старший из проводников.

— Сможешь провести нас напрямик к гольцу?

Губы старика скривились в усмешке.

— Почему спрашиваешь? Разве не видел: эвенк в тайге тропу знает, никогда не блудит.

— Тогда собирайся.

Долбачи неопределенно пожал плечами.

— Не хочешь идти? Домой спешишь? — спросил я.

— Ходить можно, да беда, у меня чай кончился... Без него никуда не пойду. Два плитка давай — прямо

Ямбуи приведу. — И он кривым пальцем показал на восток.

— Чай у меня тоже кончился, но я раздобуду у ребят.

— Обязательно доставай, без чая голова болит, большой дорога ходить не могу.

Проводники разошлись, а Долбачи продолжал стоять под лиственницей, пока я не принес ему обещанный чай. Он бережно положил плитки за пазуху, ушел собираться.

Эвенки заядлые чаевники. Они умеют мастерски готовить этот напиток и пьют его с величайшим наслаждением, но только свежесваренным. Без чая им и свет не мил! Любой из наших проводников не пожалеет ни времени, ни оленей, чтобы поехать к далекому другу и выпить с ним кружку крепкого чая.

С опытным проводником нам не страшно ничто: ни броды через бурные реки, ни завалы, ни сплошная тайга, ни перевалы. У проводников-эвенков в голове своя карта, и идут они по ней, не сбиваясь с пути, каким-то особым чутьем угадывая опасность. Да и олени у таких проводников не сдадут в пути, не натрут спины вьюками, придут к месту неослабленными.

Мы с Павлом отбираем из своего имущества только самое необходимое для похода: рацию, палатку, тент, спальные мешки, посуду и десятидневный запас продуктов. При быстром передвижении олени не должны нести на своих спинах более двадцати килограммов груза.

Из-за темных вершин ельника брызжет багряный свет утра. Лагерь приходит в движение: люди снимают палатки, свертывают постели, готовят вьюки. Каюры гоняют к таборам отдохнувших за ночь оленей. Поляна наполняется оживленным говором.

...Погасли костры. В одну длинную шеренгу выстроился караван почти в сто оленей. Мы прощаемся с товарищами. С завистью смотрим, как уходят они

на запад. Впереди идут рекогносцировщики. За ними заросшие бородами астрономы со своими тяжеленными универсалами, которые бережно везут два оленя в специальных носилках, прикрепленных к их спинам. След астрономов притаптывают молчаливые наблюдатели — пожалуй, самые трудолюбивые из геодезистов. Шествие замыкает пестрая стая собак.

Уходящие долго машут нам руками, что-то ободряюще кричат до тех пор, пока всю эту шумную ватагу не проглатывают корявые дебри лиственничной тайги. Скоро смолкли и шорохи большого каравана.

— А где же Загря? — спохватываюсь я, не заметив на таборе своей собаки.

— Никуда не денется, прибежит, — неласково, с досадой бросает Павел.

И действительно, из просвета, где только что исчез караван, вырывается Загря. Длинными прыжками он сокращает между нами расстояние и со всего разбега наскакивает на меня. Затем, усевшись на задние лапы, пристально смотрит на запад, откуда еще доносится затихающий говор людей.

Как он великолепен, Загря! Почти весь светло-серый, с чуть заметной темной остью на спине, и только чулки на передних ногах белые в крапинках. Тело гибкое, ноги сильные, пружинистые, не знающие усталости. Пушистый хвост всегда кольцом заброшен на спину. Он даже в схватке со зверем и в драке с собаками редко когда опускает его. А клыки! Кобель ими не кусает, а рвет по-волчьи, и раны от них у противника долго не заживают. Но по натуре Загря самое добродушное и преданное существо. Вот уже два года, как мы с ним неразлучны в тайге.

Приседаю к нему, поворачиваю его морду к себе, говорю:

— Послушай, Загря, мы должны вернуться и идти к Ямбуу, там люди пропали, и их надо найти, понимаешь, н-а-й-т-и!..

Загря вырывается, бросается вдогонку за караваном — неохота ему отстать от веселой собачьей компании, но привязанность ко мне заставляет вернуться.

Пора и нам собираться.

У Павла недовольный вид.

— Ну чего загрустил? — говорю я. — Потерпи немного, скоро и мы будем дома.

— Я договорился со Светланой, она придет завтра на аэродром встречать. Ребята подшучивать начнут, еще обидится. И надо же такому случиться!..

— Сильнее соскучишься — милее будет...

Связывая потки и не отвечая, он с досады так натянул ремень, что тот лопнул.

Я рассмеялся.

— Это все от ваших разговоров, — упрекнул он и, повернувшись ко мне, хотел еще что-то сказать, но только безнадежно махнул рукой.

Павел, по натуре человек молчаливый и добродушный, безропотно переносит трудности полевика. На этого парня можно положиться. Он опытный таежник, удивительно вынослив, обладает той безмятежной уверенностью, что делает людей сильными. Его выгоревшая на солнце и чуть рыжеватая борода оттеняет густой загар лица. По нему краснели свежие и давнишние бугорки комариных укусов.

Наконец-то и мы готовы покинуть ночной приют. Наш путь лежит на юго-восток. Где-то там, за далекими синими сопками, за далью лесов, вздымается дикий голец — таинственный Ямбуй.

Долбачи идет с нами впервые. Мы не знаем друг друга. И мне хочется с первого дня подружиться с ним, я и стараюсь во всем угождать ему. Это человек лет пятидесяти, крепкий, приземистый, с шишковатыми жилистыми руками. Неразговорчивый. Лицо у него скуластое, почти плоское, волосы черные, давно не стриженные. Тяжелые седеющие брови почти прикры-

вают его малюсенькие, светящиеся добротой глаза, лежащие в глубоких впадинах. Одежда на нем сильно поношена. Но он выглядит опрятным и чистым. В его легкой походке угадывается сила; держится он с достоинством, уверенно.

Долбачи быстро перебирает приготовленные нам с Павлом вьюки, связывает их парами и тайком сквозь узенькие щелочки бросает взгляд в нашу сторону — ему тоже хочется разгадать, что мы за люди.

Затем он подходит к оленям. Из его связки с ним остался только учаг — ездовой олень, остальные набраны из общего стада. Он мягко кладет загрубевшую ладонь на спину животного, ощупывает шерстистый хребет, обшарпанные вьюками бока и заглядывает в большие круглые глаза, как бы силясь разгадать характер и привычки животного. Отходит, оглядывает оленя со стороны — надо же запомнить и внешние его приметы, совершенно непостижимые для нас.

Так, не торопясь, придирчиво Долбачи осмотрел своих новых подопечных и принялся привязывать их друг к другу, придерживаясь испытанного правила: за сильным оленем должен идти слабый, за слабым — опять сильный.

Вид у животных усталый. Шутка ли, все лето бродить по топким болотам с грузом! Но впереди еще более трудный, утомительный путь.

Проводник поднимает первый вьюк. Животные точно пробуждаются от сна, поворачивают к нему настороженные головы. В их взглядах безнадежная покорность. Долбачи нам не доверяет, вьючит сам, туго притягивая груз ремнями к натруженным спинам оленей. Мы только подносим ему уже связанные и уложенные на седла потки.

Наконец все готово. В руках посохи, за плечами ружья. С минуту стоим молча у затухающего костра — так уж принято у нас перед большим походом.

Долбачи набивает трубку табаком, прикуривает от уголька и обводит грустным взглядом волнистое пространство, убегающее от нас на юго-восток, как бы пытаясь разгадать, что ждет нас там, за холмами, в синей дали.

— Пошли, — говорит он решительно и, подняв с земли конец поводного ремня от учага, ведет аргиш вверх по ключу.

С первых шагов меня охватывает странное чувство, будто я совсем расстаюсь с мечтой увидеть близких, родных, чем жил последние дни. Неужели это предчувствие чего-то недоброго, что ждет нас на Ямбуе?..

Загря прорывается вперед, мечется по ернику, не может угадать, в какую сторону пойдет караван. Его всегда приводит в восторг предстоящий путь, если, конечно, пес идет не на сворке, как в этот раз. Но стоило Долбачи сделать несколько шагов в нужном направлении, как Загря исчез с глаз и до обеденной остановки его не увидишь. Сколько километров он обежит в такой день по болотам, по холмам — уму непостижимо! Но как бы он далеко ни убежал, надолго не упускает из слуха шум идущего каравана.

Я очень привязан к Загре. Он много раз выручал нас из беды. В тяжелые дни, когда в наших потках не оставалось продовольствия, Загря помогал нам добыть зверя. Откровенно говоря, отправляясь к Ямбую, я особенно надеюсь на него. Его великолепный слух и отличное обоняние помогут найти Евтушенко, даже если тот мертв.

Идем навстречу пустырям и тишине. Ничего нет печальнее пейзажа нагорья — унылого пространства заболоченных марей. Эта земля еще не имеет сказаний, у нее нет даже прошлого. Зимой только вой холодного ветра, а летом топь и комары, да изредка на глаза попадается след зверя. Забытый людьми край.

Мы знаем, что впереди нас ждут однообразные ночевки у костра, приготовление пищи, сушка одежды — привычная кочевая жизнь. И хотя все это давно знакомо, все же каждый раз, прежде чем сделать первый шаг по неизвестному пути, снова и снова внутренне проверяешь себя, готов ли ты совершить этот путь.

Единственное утешение для нас — осень, пора изобилия и щедрости природы, пора спелой ягоды, орехов, грибов. Земля и небо на наших глазах вдруг вспыхивают всеми цветами, от густо-голубого до яркого пурпура. Только в эту короткую пору года и бывают такие волшебные смеси красок, такие тончайшие оттенки, которые не передать ни словами, ни кистью. И все же осень — время грусти, время увядания природы.

Сегодня нет солнца, и нагорье кажется еще более однообразным. Идем по старым, заросшим осинником гарям, без тропы; вокруг никаких ориентиров, указывающих путь. Всюду видны лишь лесные бугры, небольшие ельнички и мелкие бесприютные озеринки. Но проводник уверенно ведет караван. Мерно покачиваясь на учаге, в поисках прохода Долбачи объезжает топи, петляет по завалам или кочковатым марям; но как бы он ни отклонялся в сторону, выбравшись вновь в тайгу, он неизменно ведет караван на юго-восток. Иногда мне кажется, что он сбился с пути, я тайком достаю буссоль, проверяю направление и, устыдившись своих мыслей, шагаю смелее следом за караваном.

На пути ни пней, ни остатков таборов, ни следа человека, только болота, бесконечные болота... Как они нам надоели за лето, будь они трижды прокляты!

Справа, у далекого горизонта, показались лиловые ступеньки гор, еще плохо различимые. Это Становой. Мы идем к нему под острым углом. Иногда с возвышенности видим причудливые горбы его угрюмых вершин, скупившихся под хрустальным куполом си-

него неба. Точно гигантские головы в снежных папах, громоздятся они над глубокими ущельями, из которых с громадной высоты стекают с гулом потоки; достигнув равнины, они вдруг смолкают, спокойно ложатся в извилистые берега и бегут к океану.

Где-то там, у восточного края хребта, в хаосе вершин — Ямбуи. До него еще много дней пути, и при этих мыслях хочется без отдыха гнать и гнать оленей, поспешать к Евтушенко.

На исходе первый день путешествия. За низкими холмами закат кровавит тусклую равнину. Пылают облака, тайга кутается в мутную синеву наступающего вечера. Идем в полной тишине, только шелест опавшей листвы слышен под тяжелыми шагами оленей.

Впереди спуск. За спуском Долбачи, проверив, ладно ли лежат на спинах животных выюки, перевел караван через шумливый ручей, утонувший в густых зарослях черной смородины. На другом берегу проводник остановился, закурил было, но, оглянувшись на упавшее солнце, снова вскочил на ухага, погнал караван к ночевке.

Мы с Павлом не удержались от соблазна, немного отстали и, забравшись в пахучие заросли смородины, рвали горстями тяжелые кисти спелой ягоды, с наслаждением набивая отощавшие за день желудки.

Вдруг впереди и несколько в стороне от следа каравана несмело, отрывисто залаял Загря.

— Медведь! Ей-богу, медведь! — крикнул Павел.

Долбачи торопливо привязывает к лиственнице оленей, выдергивает из выюка бердану, заряжает ее и бежит на лай. Я с карабином за ним.

До слуха долетает треск сломанных сучьев, и за ольховыми кустами закачалась вершина лиственницы.

Долбачи грозит мне пальцем: дескать, зверь близко, осторожнее. А сам по-рысиному, неслышно обходит ольховник, прикладывает ложу берданы к плечу, вы-

совывается из-за кустарника и неожиданно безвольно роняет ружье.

На лиственнице высотой с телеграфный столб, почти на верхушке, прикинув к ее последнему сучку, в страхе трясется мальчишка лет шести.

Как он попал сюда? Откуда взялся? Непостижимо! Ведь на сотни километров вокруг абсолютное безлюдье, непролазные болота, глушь. Да и вообще тут людям делать нечего.

Парнишка напряженно следит за нами сверху и, кажется, вот-вот сейчас не по-человечески заворчит или издаст призывный, а то и угрожающий клич. Волосы у него взъерошены, в глазах враждебность.

Его круглое и почти плоское лицо до ушей измазано соком голубики и от этого кажется совсем синим. Одежда на нем странноватая: рубашка, пепельно-серая от долгой носки, явно велика и спадает с его узеньких плеч. Заправлена она в штаны, сшитые из лосины, из которых он давно вырос. Ноги босые.

— Долбачи, спроси у него, как он попал сюда? — наконец заговорил я, преодолев оцепенение.

Проводник повел плечами и что-то крикнул мальчишке по-эвенкийски. Того точно током прошило; он встрепенулся, крепче обхватил ручонками вершину и замер, не спуская с нас беспокойного, острого взгляда.

— Не хочет говорить, шибко пугался, — объясняет проводник.

Мы медленно подходим к лиственнице. Мальчишка в страхе пытается подняться еще выше, ноги его скользят по стволу дерева, не находя опоры; он торопится, вершинка лиственницы гнется, вот-вот сломается. Долбачи кричит ему, но мальчишка будто не слышит, никакие уговоры не действуют на него, лезет дальше. Мы поспешно отступаем, иначе он действительно слетит на землю и расшибется.

Федосеев Г.

Ф 33 Злой дух Ямбуя ; Последний костер : повести / Григорий Федосеев. — СПб. : Азбука, Азбука-Аттикус, 2024. — 608 с. — (Азбука-классика).

ISBN 978-5-389-25666-8

Григорий Анисимович Федосеев (1899–1968) писал о дальневосточных краях, прилегающих к Охотскому морю, с полным знанием дела: он сам много лет работал там в геодезических экспедициях, постепенно заполнявших белые пятна на карте Советского Союза.

В тайге или заболоченной тундре нельзя работать и жить вполсилы, ведь суровая природа не прощает ошибок и слабостей. Эвенки — коренные жители этих земель — знают, как выжить, как избежать гнева беспощадного духа Харги. Однако пришлые, члены экспедиции, ставят вопрос иначе: можно ли победить Харги, заставить его сдаться?

В книгу вошли повести «Злой дух Ямбуя» (1966) и «Последний костер» (1968). Фильм «Злой дух Ямбуя» стал лидером советского кинопроката в 1978 году и получил Премию Джека Лондона на международном кинофестивале фильмов об Арктике в Дьепе (Франция).

УДК 821.161.1

ББК 84(2Рос-Рус)6-44

ГРИГОРИЙ АНИСИМОВИЧ ФЕДОСЕЕВ

ЗЛОЙ ДУХ ЯМБУЯ

ПОСЛЕДНИЙ КОСТЕР

Ответственный редактор Елена Адаменко
Художественный редактор Татьяна Павлова
Технический редактор Мария Антипова
Компьютерная верстка Елены Долгиной
Корректоры Людмила Дубовая, Алиса Черникова

Подписано в печать / Баспага қол қойылды 13.05.2024.
Формат издания 76 × 100 1/32. Печать офсетная. Тираж 3000 экз.
Усл. печ. л. 26,79. Заказ №

Изготовитель: ООО «Издательская Группа
„Азбука-Аттикус“» —
обладатель товарного знака АЗБУКА®,
115093, Москва, вн. тер. г.
муниципальный округ Даниловский,
пер. Партийный, д. 1, к. 25
Тел. (495) 933-76-01, факс (495) 933-76-19
E-mail: sales@atticus-group.ru

Филиал ООО «Издательская Группа
„Азбука-Аттикус“» в г. Санкт-Петербурге,
191024, Санкт-Петербург,
Херсонская ул., д. 12-14, лит. А
Тел. (812) 327-04-55
E-mail: trade@azbooka.spb.ru

www.azbooka.ru; www.atticus-group.ru
Отпечатано в России.

Өндіруші: «Издательская Группа
„Азбука-Аттикус“» ЖШҚ —
АЗБУКА® тауар белгісінің иесі,
115093, Мәскеу, қ. іш. аум.
Даниловский муниципалдық округі,
Партийный т.ш., 1-үй, к. 25
Тел. (495) 933-76-01, факс (495) 933-76-19
E-mail: sales@atticus-group.ru

Санкт-Петербург қ. «Издательская Группа
„Азбука-Аттикус“» ЖШҚ филиалы,
191024, Санкт-Петербург,
Херсон көшесі, 12-14 үй, лит. А
Тел. (812) 327-04-55
E-mail: trade@azbooka.spb.ru

www.azbooka.ru; www.atticus-group.ru
Ресейде басып шығарылған.

Техникалық реттеу туралы РФ заңнамасына сай басылымның сайкестігін растау туралы
мәліметтерді мына адрес бойынша алуға болады: <http://atticus-group.ru/certification/>.

Знак информационной продукции
(Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.)
Ақпараттық онім белгісі
(29.12.2010 ж. № 436-ФЗ федералдық заң)

A-VAK-34638-01-R